

экономические последствия. Особенно это актуально для открытой экономики малых стран, которые не могут применять "оптимальный тариф". Поэтому для нее более эффективным является применение во внешнеэкономической политике нетарифных методов.

¹ Сабельников Л. Регулирование импорта в зарубежных странах // Внешняя торговля. 1993. №4. С.29.

² Там же. С.30.

³ Покровская А.Н. Международные коммерческие операции и их регламентация. М., 1996. С.224.

⁴ См.: Носкова И.Я., Максимова Л.М. Международные экономические отношения, М., 1995. С.85.

П.С.ЛЕМЕЩЕНКО, В.Г.БУЛАВКО

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИК

Еще несколько лет назад категория собственности была одной из наиболее употребительных в экономической литературе. Но как-то внезапно, как, впрочем, и все происходящие радикальные и стремительные перемены на всем постсоциалистическом пространстве, всем и все в собственности стало "ясно". Безотносительно к эффективности используемых ресурсов и экономики в целом темпы приватизации стали главным показателем "успеха" новой реформы, а государственная собственность приравнялась к общественной, превратившись в "имущество" с соответствующим министерством или же комитетом. Одна целевая экономическая иррациональность — национализация, долгое время занимавшая умы населения мира, сменилась на другую — приватизацию. Ваучерная или же чековая формы проведения этого мероприятия еще ждут своей исторической оценки. Однако уже сейчас можно сказать, оценив текущую ситуацию и тем более стратегическую социально-экономическую перспективу такой масштабной приватизации, что расстояние до эффективной экономики и "цивилизованного рыночного рая" заметно увеличилось. Теоретически неотработанные кардинальные изменения, начатые более десяти лет тому назад, превратились в романтико-реформистский фарс, который уже приобретает практически во всех постсоциалистических государствах очевидные признаки трагедии. "Пауперизация значительных групп населения... на фоне вызывающей роскоши нуворишей, — пишет Е.Гайдар, — гремучая смесь, долгосрочная питательная среда политического радикализма с национал-социалистической окраской"¹. И, как он справедливо далее отмечает, в переходных экономиках сложилось неблагоприятное сочетание факторов, осложняющих прорыв к динамичному экономическому росту.

Вместе с тем нельзя считать верным даже постановочно высказанные утверждения о том, что "незрелая, слабая" частная собственность выступает основным препятствием, сдерживающим экономический рост и развитие. Ведь в мире насчитывается всего лишь около двух десятков государств, где эта собственность "вызрела" до уровня смешанной, обеспечив большинству населения работу. Остальные же государства, имея веками формировавшийся институт частной собственности, тем не менее и сегодня демонстрируют крайнюю нищету и бедность.

Стремящимся к другой крайности — национализации — уместно также было бы обратиться к истории тех стран, где государственная собственность на средства производства доходила до 90%, и вспомнить о тех проблемах, которые в конечном счете и потребовали изменений в экономической политике и реформ. Но реализация последних в контексте "радикального обновления социализма" зашла в тупик. Неопределенное и неустойчивое политико-экономическое сознание теоретиков, проявляющееся в различных формах, дополняясь мощным потоком информации о стремительных изменениях в реальной социально-экономической жизни, выдвинуло долговременную идею:

"альтернативы рынку нет". И вот в трактовке понятия "рынок" допускается удивительная вольность и фантазия. Об этом свидетельствуют не только сегодняшние проблемы постсоциалистических государств, но и традиционные для рыночной экономики отрицательные внешние эффекты, растущие транзакционные издержки, другие негативные последствия и тенденции, обнаруживающиеся все более явственно и жестко в так называемых благополучных экономиках².

Предполагая, что как политики, так и экономисты (отечественные и зарубежные) ведут честную игру, можно считать, что отрицательные последствия реформ выступают как прямое следствие теоретических даже не ошибок, а заблуждений. Применительно к теме нашего разговора эти заблуждения выражаются прежде всего в нормативной оценке форм собственности с тем или иным знаком. После этого вполне объяснимы такие рекомендации, в которых предлагается механически установить такие, например, пропорции: 30% государственной и 70% собственности частной. Более того, на эти цифры серьезно ориентируются международные финансовые организации, предлагая их в качестве условия для выделения кредитов реформирующимся государствам. Ссылки на международный опыт в данном случае неуместны, поскольку, во-первых, эти цифры весьма разнятся от страны к стране. Во-вторых, следовало бы более четко определить, что же скрывается за этими цифрами: национальное богатство, реальный капитал, финансовые активы, имеющие огромную величину фиктивного капитала... В-третьих, бурная и многоплановая деятельность ТНК, а следовательно, и их собственность (более точно – сфера влияния) существенным образом не только скорректируют эти пропорции, но и во многом поменяют качественное восприятие категории, института собственности в целом и частной в особенности. Ведь границы различных форм, уровней, функций собственности в ТНК основательно размыты и одновременно переплетены через многочисленные экономические отношения и другие институциональные взаимосвязи с другими объектами и субъектами собственности. Не совпадают также границы субстанции собственности, общей экономической самостоятельности, производственной, коммерческой, финансовой деятельности и т.п., что уже очевидно проявляется в элементарных формах монополистических объединений.

Таким образом, теоретическое осмысление института собственности во всей его сложности и глубине явно не совпадает с реальными социально-экономическими процессами, которые так или иначе связаны с ним. Существует, что называется, интеллектуальное заблуждение, являющееся прямым следствием специализации научного гуманитарного знания в целом, и экономического в частности³. "Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой "политической экономии" на отдельные современные дисциплины: "экономикс" и "политологию". Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками... Политологи, напротив, стремились нормативно трактовать государственные процессы. В результате общественный выбор между организационными альтернативами часто представлял собой сравнение между реальным институтом, с одной стороны, и идеальным, с другой"⁴. От себя добавим, что в результате такого раскола и углубления специализации "экономической теории" за пределами внимания, кроме собственности, остались и многие другие институты и социальные проблемы, в последующем получившие название "внешних отрицательных эффектов". Вот как раз эти предэкономические факторы, или институты, с подачи ортодоксальных экономистов получили примитивную интерпретацию в виде предложений по "массовой приватизации", "либерализации цен", "свободно плавающим валютным курсам", "развитию рынков капитала, товаров, рынка труда". Иначе говоря, функциональный аспект, который уместен при зрелой экономической системе, взял пальму первенства над институциональным, качественным, который в период реформ должен выдвигаться на первое место. Ведь никто не станет отрицать того обстоятельства, что, например, за валютным курсом "скрывается" целая

система отношений между государствами, а его регулирование предполагает наличие целого комплекса соответствующих зрелых институтов, включая национальную валюту и стройную финансово-банковскую систему с высоко-профессиональными кадрами. Всего этого сейчас нет в переходных экономиках. Вследствие этих и других обстоятельств в молодых реформирующихся странах накопился комплекс крайне сложных и острых проблем. И название этому состоянию вовсе не "кризис", как это принято квалифицировать, а "системный гистерезис"⁵. Это явление связано с безвозвратной потерей части имеющегося потенциала страны в период коренных системных трансформаций. В данном случае речь идет о переводе экономики на новые, рыночные, принципы хозяйствования.

Проблема терминологии далеко не праздная, поскольку категориальное выражение реальных процессов и явлений выступает первоочередной задачей любой науки, и экономической в частности. Это можно сравнить с правильно поставленным диагнозом болезни (в данном случае речь идет о болезни социально-экономической), которую только после этого и можно начинать лечить, предлагая определенный набор методов лечения в сочетании с тщательным контролем состояния "пациента". К разряду досадных недоразумений, видимо, можно отнести то, что без тщательного изучения специфики реформируемых экономик, без определения "диагноза" всем им предлагаются одни и те же методы "лечения" типа приватизации, либерализации и т.п. Надо отметить, что именно эти названные обстоятельства, по существу, и явились первопричиной упомянутого нами "системного гистерезиса".

Дело в том, что в прошлой экономической системе и системе отношений собственности, во-первых, не были установлены строгие права материальных элементов собственности⁶. Эта неопределенность в правах собственности, прежде всего на ее материальные условия, порождала распространенную у населения путаницу "моего" с "нашим" ("все вокруг колхозное, все вокруг мое"), в результате чего происходило юридически незаконное, а точнее, противозаконное перераспределение весомой части национального дохода. Кстати сказать, массовое нарушение юридических законов в части прав собственности является ярким подтверждением и свидетельством нарушения законов и интересов экономических. В результате терялись мотивационные установки работников, что обуславливало низкую производительность труда. Во-вторых, еще более неопределенным и запутанным как в теоретическом, так и в практическом отношении оказался функциональный срез "социалистической" собственности. История перманентных реформ (реформы политические могут составить тему отдельного обсуждения) экономики СССР (тресты – синдикаты – наркоматы – комитеты – министерства – совнархозы – министерства – объединения и т.п.) дает богатую информацию для размышления о поиске форм реализации собственности в целом, и распределении функциональных полномочий в частности. По сути дела, даже не сами ресурсы как возможный объект собственности, а именно контрольно-распределительные функции оказались камнем преткновения как при делении Советского Союза на независимые государства, так и при переводе экономики в процессе начавшихся в середине 80-х гг. реформ с "социалистической платформы" на "рыночно-демократические" принципы. Этому начинанию, в свою очередь, предшествовал "последний" хозрасчетный принцип "самофинансирования", открывавший предприятиям возможности использовать часть прибыли не только для простого, но и для расширенного воспроизводства.

Неопределенность взаимосвязей конкретных субъектов присвоения с реальным юридическим оформлением, что облегчало прежней экономической системе решение стратегических задач, в критической ситуации обусловило ее слабость и незащищенность по многим параметрам. Противоречие, вызванное процессом отчуждения работника не только от средств производства, но и от результатов своего труда, от контрольно-распорядительных функций, выплеснулось в классовое столкновение власти, монополизировавшей многоуровневые отношения собственности, с населением или с "хозяином собст-

венности" в социалистических странах, который имел крайне ограниченные и к тому же размытые "права собственности" даже в части фонда заработной платы. Отсутствие же в этой системе экономических стабилизаторов в виде реальных форм и субъектов присвоения материальных условий производства не обеспечило ее устойчивости при давлении "народа" как формального хозяина собственности, объединившегося против власти как носителя функции собственности⁷.

В отличие от большевиков, которые в свое время, национализировав решающую часть предприятий, начали естественно реализовывать функцию управления этой собственностью, новые реформаторы в первую очередь "приватизировали" контрольно-распорядительные функции собственности. Это давало, в свою очередь, реальный шанс на "получение" некоторой доли материальных элементов собственности из "фонда государственного имущества". Практика приватизации во всех бывших социалистических странах (пока Беларусь выпадает из этого ряда) подтверждает, что размер этой доли прямо пропорционален уровню занимаемой должности. Поэтому конкуренция за обладание властью — это, пожалуй, единственный вид конкуренции, который удалось создать под эгидой возрождения рыночной конкуренции. Политическая деятельность, кроме алкогольного и наркобизнеса, оказывается самым рентабельным вложением капитала. Идея же сделать "всех свободными собственниками" через ваучеры и приватизационные чеки оказалась самым большим блефом, если не сказать самой грандиозной ложью XX в.

Новые реформаторы отличаются от большевиков и тем, что первые, получив в том или ином виде собственность, практически не занимаясь реальным производством, "ушли" со своими капиталами на финансовые рынки, где путем спекулятивных операций и игры на бирже можно обеспечить высокую доходность. В конечном счете официальная правительственная политика, направленная на достижение макроэкономической стабильности и равновесия, вступила в противоречие со спекулятивной политикой финансовых кругов. Финансовый кризис показывает, что снова в проигрыше оказываются не только широкие слои населения, но и класс производителей, пытающийся на новых принципах осваивать реальный сектор экономики. Темпы экономического роста ВВП от этого, естественно, не увеличиваются. Зато увеличивается государственный долг, поскольку именно под правительственные гарантии выдавались иностранные кредиты для "финансовой стабилизации" экономики. Кстати сказать, рост государственного долга (как внутреннего, так и внешнего) при снижающихся темпах экономического роста — общая закономерность, присущая всем странам. Достигнуть высокой эффективности переходным экономикам в условиях безусловного господства в мире финансового капитала и ТНК крайне сложно, если вообще возможно. Особенно если использовать функциональный подход, преобладающий в современном "мэйнстриме" (основном течении) экономической теории.

Требуется, освободившись от некоторых устоявшихся уже за последнее десятилетие мифов и догм, более рационально и прагматично подойти, например, к оценке концентрации производства и капитала, т.е. размеров фирм, конкуренции и монополии, вечного вопроса о соотношении экономики и государства, выходящего так или иначе в плоскость понятий капитализма и социализма. Требуется учитывать отрасль приложения капитала, используемый технологический способ производства, форму организации фирмы, стиль управления, уровень образованности работников и многое другое, что реально влияет на результаты производства, включая степень концентрации и размеры предприятий.

В свою очередь, как считают Ф.М.Шерер и Д.Росс, "насколько высоким должен быть уровень концентрации продавцов, чтобы обеспечить эффективность производства, зависит от связи между уровнем технологии и размерами рынка"⁸. Но степень концентрации и размеры фирм есть две стороны одной медали конкуренции и монополии. "Мы должны признать, — пишет Й.Шумпетер, — что крупное предприятие стало наиболее мощным двигателем этого прогресса

и в особенности долговременного наращивания объемов производства не только вопреки, но благодаря той стратегии, которая в каждом индивидуальном случае и в каждый момент времени выглядит ограничительной. В этом отношении совершенная конкуренция не только невозможна, но и нежелательна и никак не может считаться образцом идеальной эффективности⁹. А.Хабергер же под считал, что в американской обрабатывающей промышленности потери ВВП от монополий в 1924–1928 гг. составили всего лишь 0,1%. После проверок методик и расчетов в 1988 г. признано, что такие потери или вред от монополизации колеблются в пределах 0,5–2%¹⁰.

Итак, примитивная социалистическая национализация в прошлом обернулась не менее пошлой приватизацией сегодня. То же самое можно сказать о ценах, налогах и т.п. Сфера социально-экономической жизни настолько усложнилась, что крайние установки типа "капитализм – социализм" сегодня скорее дезориентируют, чем ориентируют, на верное решение существующих проблем. "И рынки, и правительство, – пишет Дж.Бьюкенен, – терпят провалы, и нет никакой благосклонной "мудрости". Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две "великие альтернативы", "laissez-faire" и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения"¹¹.

¹ Гайдар Е. Об аномалиях экономического роста // Политэконом. 1996. №4. С.51.

² См., например: МЭИМО. 1998. №8; Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993; Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб, 1996.

³ По нашему мнению, наиболее точно ситуацию неадекватного отражения экономической наукой современной реальности дает термин "дефект знания" (См.: Лемещенко П. С. Неополитэкономия или тенденции развития современной экономической науки // Вестн. Белорус. ун-та. Сер.3. 1998. №2; Он же. О предмете современной теории экономики: Тезисы международной научной конференции "Стратегия устойчивого развития и перспективы цивилизационной динамики на рубеже веков". Мн., 1998. С.112.).

⁴ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997. С.426.

⁵ Некипелов А. Объективные основания для промышленной политики в условиях пост-социалистической трансформации // Политэконом. 1996. №4. С.21.

⁶ Теория "прав собственности" стартовала в конце 60-х – начале 70-х гг. в связи с падением эффективности производства, социальными проблемами и ростом транзакционных издержек, возникающих также на стыке экономики и права (См.: Коуз Р. Рынок, фирма, право. М., 1993. С.33; Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997. С.87, 124; Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С.39, 105, 141).

⁷ Любая социально-экономическая система имеет свои стабилизаторы устойчивости и надежности. Это может быть какой-то класс, социальная группа, некий институт в виде религии или признанной элиты общества, теневой кабинет и т.п.

⁸ Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С.112.

⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С.153.

¹⁰ Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. С.656.

¹¹ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С.430.